

Anna Warda

Uniwersytet Łódzki

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В СТИХОТВОРЕНИИ ГАВРИИЛА ДЕРЖАВИНА К ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ

Literary and Non-Literary Allusions in Gavrill Derzhavin's Poem *To Tsarevich Khlor*

ABSTRACT: The subject of the article are literary and non-literary allusions in the poem by G. Derzhavin *To Tsarevich Khlor* entitled. They referred to the political and social events that took place during his lifetime. Some of the allusions he explained in the *Commentaries* he wrote to his poems, others explained in an ambiguous way.

KEYWORDS: G. Derzhavin, allusion, poem *To Tsarevich Khlor*, *Commentaries*

Аллюзия (лат. *allusio* «намеки, шутка») – это стилистическая фигура, которая содержит указание, аналогию или намек на некий бытовой, исторический, биографический, мифологический, художественный, религиозный или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Но чтобы правильно прочесть аллюзию, следует хорошо ориентироваться в обстоятельствах, связанных с данным фактом или обладать определенными знаниями.

Аллюзия может быть также отсылкой к другому художественному тексту и тогда можно говорить о литературной аллюзии, т. е. приеме для одновременной активации двух текстов, которая достигается через манипуляцию определенным сигналом: знака (простого или сложного) в данном тексте, характеризующегося добавочным, более широким (расширенным) «референтом», которым всегда является независимый текст. Одновременная активация двух текстов, связанных таким образом, приводит к формированию межтекстовых моделей¹.

¹ Ср.: Z. Ben-Porat, *Poetyka aluzji literackiej*, „Pamiętnik Literacki”, LXXIX, z. 1, s. 315–337; K. Górski, *Słowski jako poeta aluzji literackiej*, „Pamiętnik Literacki”, 51/2, 1960, s. 361–375.

Следует отметить, что литературные и внелитературные аллюзии относительно часто появляются в произведениях выдающегося писателя конца XVIII – первых десятилетий XIX века – Гавриила Державина. В данной статье мы займемся его стихотворением *К царевичу Хлору*, созданном в 1802 году. Оно явно перекликается со сказкой Екатерины II *О царевиче Хлоре*, а его адресатом и одновременно героем является молодой царь Александр I. Поэт написал стихотворение в своем имении в Званке, когда был министром юстиции.

Интересно отметить, что Державин сам попытался объяснить аллюзии и намеки, которые появились в его произведениях, создавая в 1809 году обширные *Объяснения на сочинения Державина...*². Их появление имело тесную связь с адресатом другого произведения Державина – *Евгению. Жизнь Званская* (1807), близким другом писателя — митрополитом Евгением. Державин подружился с ним после приобретения имения в Званке в 1797 году. В тот момент Евгений работал над *Словарем российских духовных и светских писателей* и попросил Державина составить свою биографию. Во время литературных бесед с Державиным Евгений посоветовал другу, чтобы он написал комментарии к своим произведениям, поскольку они в большинстве случаев касались событий прошлого и содержали много понятных лишь для современников аллюзий и намеков. Державин превосходно отдавал себе в этом отчет и в письме Мерзлякову от 26 августа 1815 г. написал:

Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками, из чего само по себе вышло, что в некоторых моих произведениях и поныне многие, что читают, того не понимают совершенно...³.

Летом 1809 г. Державин продиктовал комментарии к своим стихам племяннице Елизавете, дочери Николая Львова, которые объясняют много неясных мест в его произведениях⁴.

Создавая свои комментарии Державин продолжал распространенную в литературе классицизма, а известную уже в античной литературе, традицию дополнения произведений авторскими комментариями. Поэт представил в них свое авторское видение мира, однако следует отметить, что он по-прежнему

² Их полное заглавие имеет следующую форму: *Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин, при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся.*

³ Из письма Державина к Мерзлякову от 26 августа 1815 г. из Званки, [в:] *Сочинения Державина...*, т. 1, Санкт-Петербург 1864, с. 636–653.

⁴ Ср.: А.В. Западов, *Державин*, Москва 1958, с. 201–202.

оставил много недосказанного. Комментарии Державина по справедливому замечанию А. Западова являются своего рода переводом образно-поэтического языка на документально-прозаический⁵. Намерением поэта было соотнести фрагменты своих поэтических произведений с фактами, которые стали поводом их написания, раскрыть причины и последствия. Поэтому комментарии поэта являются своего рода посредником между двумя реальностями: поэтической и историко-биографической, которые поэт считает тождественными⁶.

Однако, как справедливо отметил М. Гаспаров, нет нейтральных комментариев⁷. Именно поэтому мы должны осознавать, что Державин раскрыл читателю лишь избранные фрагменты его текстов, в то время как многие другие он умело скрыл за метафорическими образами в своих *Объяснениях*. Поскольку интерпретацию произведения читателем автор не в состоянии предугадать⁸, можно считать, что комментарии Державина являлись своего рода попыткой удержать авторскую власть над текстом, предложить читателю выгодную для себя интерпретацию и тем самым сохранить типичную для классической литературы авторскую доминанту. Таким образом автор-наставник хотел показать, что именно он обладает большим знанием о изображенном мире, а его комментарии должны предупредить неправильную, а также в какой-то мере невыгодную для автора интерпретацию. Вспомним, что Державин называет себя в *Объяснениях*, впрочем как и в своих дневниках, автором, используя форму повествования от третьего лица. Авторские комментарии к стихам Державина не объясняют всех мест, которые могут казаться читателю непонятными. Необходимо при этом отдавать себе отчет в том, что писатель даже тогда не мог открыто писать обо всем, поскольку смена правителя не гарантировала создателям свободы слова. Принимая однако во внимание талант и искусство дипломатии, какое неоднократно демонстрировал Державин, можно предположить, что в его комментариях также есть определенная недосказанность, которую мы попытаемся разгадать.

Стихотворение *К царевичу Хлору* начинается обращением индийского брамина⁹ к царевичу Хлору, главному герою сказки Екатерины II, который в версии Державина является ханом татарской орды. В своих комментариях поэт объясняет, что это произведение, как и *Фелица*, имеет аллегорический

⁵ Там же, с. 58–59.

⁶ Там же, с. 61.

⁷ М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман и проблемы комментирования, «Новое литературное обозрение», № 66, 2004, с. 70–74.

⁸ Ср.: *Введение в литературоведение*, ред. Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, Москва 2006, с. 72.

⁹ В *Комментариях* Державин объясняет, что «брамин это монах индийской секты, члены которой считают себя сыновьями Солнца», [в:] *Сочинения Державина...*, т. 2, Санкт-Петербург 1865, с. 682.

характер, а имя Хлор обозначает императора Александра, внука Фелицы (Екатерины). Поэт знакомит читателя с генеалогией адресата оды, объясняет, что Фелица – это Екатерина II, что матерью Александра является Мария Федоровна, а женой Елизавета Алексеевна. Далее он добавляет, что обе женщины (мать и жена), были мягкими и добрыми царицами¹⁰. Называя в оде имя Фелицы, поэт ставит перед ним лишь один эпитет «премилосердная», который, как можно полагать, был для него особо существенным. Использование в нем приставки «пре-», говорящее о преобладании именно этого качества у правительницы, имело для Державина субъективное измерение, связанное с особой щедростью императрицы по отношению к нему. Кроме этого одного упоминания лирическое «я» не говорит больше о Фелице, а все свое внимание концентрирует на Хлоре. Он изображается как нежный, чувствительный друг своих сестер и братьев¹¹, добрый и верный муж. Описывая внешность Хлора, сравнивает его по росту и наружности с древнерусским витязем. И добавляет, что для своей же страны, т.е. татарской орды, он больше друг, чем хан. Затем лирическое «я» сакрализирует Хлора, сравнивая его с серафимом, который был послан на землю с неба, чтобы делать счастливыми обычных смертных. Дальше лирический герой обращается к сказке Екатерины. В ее произведении хан киргиз-кайсацкой орды услышал о необычайной красоте, уме и талантах русского царевича и лично хотел с ним познакомиться. В оде же Державина речь идет о том, что до Кашмира¹² доходят слухи о Хлоре, якобы воскресшем духе Заратустры¹³. Он, подобно герою сказки Екатерины, внешне красив, у него прекрасная душа, он благочестив. Кроме того, он больше, чем другие правители желает одарить своих подданных любовью и заботиться об их счастье. Он не хочет, чтобы подданные боялись его, а другие государства чувствовали страх перед нападением с его стороны. В *Объяснениях* Державин пишет, что император, которому адресовано его произведение, отличался мягкой натурой и особенно в первые годы правления он отвергал применение жестокости и кровопролития¹⁴.

Затем лирический субъект описывает идеального правителя, черты которого соответствуют характеристике Александра. Есть также и элементы критики, которые имеют форму наставления молодому царю. Например, хвала за его образ правления, лирический субъект критикует его попытки введения элементов демократии, таких хотя бы, как наделение Сената большими полно-

¹⁰ *Сочинения Державина...*, т. 3, Санкт-Петербург 1866, с. 681.

¹¹ У Александра было трое братьев и шесть сестер.

¹² Район древней Индии, сейчас разделен между Индией и Пакистаном.

¹³ Заратустра (ок. VII–VI в. д.н.э.), основатель одной из самых древних монотеистических религий, зороастризма, жрец и пророк.

¹⁴ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 682.

мочиями, по отношению к которому он не использовал определения «Наш», указывающего на подчинение царю, а называл его «правлящим», давая тем самым понять, что разделяет с ним власть¹⁵.

Лирический герой характеризует царя как скромного человека, который служит своему народу:

Нередко в ум тебе приходит,
Что царь – законов только страж,
Что он лишь в действие их приводит,
И ставит в том в пример себя.
Что ты живешь лишь для народов,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законов¹⁶.

Аллюзия на сказку Екатерины появляется тогда, когда лирический субъект перечисляет высоких чиновников османской Турции (пашей), мусульманских государственных деятелей (эмиров), а также персидских, турецких и татарских чиновников и деятелей (мурз). Хлор, будучи скромным человеком, не любит их, поскольку они горделивы, жаждут власти, унижают других и сами, будучи подданными, издеваются над теми, кто занимает более низкое положение в социальной иерархии. Как мы помним, в *Фелице* Державин тоже критиковал вельмож, которые окружали Екатерину и вели очень роскошный образ жизни. В отличие от них Хлор – человек скромный, он не возвышается над подданными, за что его не любят вельможи:

Что ты не кажешься им богом,
Не езда на царях верхом,
Сидишь и ходишь в ряд с народом¹⁷.

Как объясняет в комментарии к этому фрагменту оды Державин, египетский царь запрягал в карету побежденных царей, император же Александр I ко всем относился вежливо и уважительно.

Державин делает аллюзию на отношения, которые царили во времена Александра I между ним и духовенством:

Что не стирая с туфлей прах
У муфтьев, дервишей, иманов,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г.Р. Державин, *Стихотворения*, ред. Г.А. Гуковский, (Библиотека поэта. Малая серия), Ленинград 1947, с. 208.

¹⁷ Там же.

В седых считаешь бородах
Их глас за глас ты Алкоранов¹⁸.

Приведенное выше четверостишие говорит о ситуации, сложившейся во время коронации Александра, которой руководил московский митрополит Платон. Именно тогда жена Александра I – Елизавета Алексеевна – не встала на колени перед своим мужем, как это имело место в случае с прежними царями, и что соответствовало принятому этикету. Корону она приняла стоя, и таким образом они оба продемонстрировали не существующий до сих пор способ выражения уважения к женщине в семье и одновременно равенство полов.

Несколько строк оды Державина имеет тесную связь с исполняемой писателем должностью министра юстиции и написанным им по просьбе Александра I проектом закона об арбитражных судах:

Что, чувствуя в себе одном
Ты власть небес, а слабость смертных,
Им разбирать себя судом
Велишь чрез граждан частных, честных;
Раздоры миром прекращать,
Закону с совестью поладить,
И больше шерсть чтоб не терять,
Овцам в репейники не лазить¹⁹.

В *Объяснениях* к этому фрагменту Державин открывает, что по просьбе царя он разработал принципы работы арбитражных судов, которые должны были стать на страже правопорядка²⁰. Он пишет, что монарх их сначала принял, но они не понравились министрам и поэтому их не претворили в жизнь. Проект Державина, предложенный императору состоял из 103 статей. Его главной идеей было решение юридических споров в арбитражных судах по принципу добровольности. Компетенции суда должны быть вверены обеими сторонами арбитрам, из числа которых выбирался бы председатель. Эти институты должны были назначаться государственными судами разных инстан-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 209.

²⁰ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 682. Державин пишет об этом также в своих *Записках*, [в:] *Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812*, с примеч. П.И. Бартенева, Москва 1860, с. 500.

ций. В спорных и сомнительных случаях их решения контролировались бы министром юстиции и губернаторами (апелляционные суды)²¹.

Лирический субъект хвалит далее царя за то, что он дал возможность подданным непосредственно общаться с императором, о чем читаем в *Объяснениях*. Державин пишет в них, что в первые годы правления царя многие лично с ним общались²².

Затем, вводя атрибуты волшебной сказки (шапка-невидимка, ковер-самолет) говорящий субъект информирует, что благодаря им хан Хлор в тюрбане (характерном, как известно, для героев восточных притч), одетый в кафтан, башмаки, жилет (типичный наряд для людей высших сословий времен царя Александра I), следит за безопасностью своего народа, а в случае необходимости, используя сказочные предметы, спасет невинных. Лирический герой определяет правление царя как мягкое и сравнивает его с солнцем, которое греет мир своими лучами:

Ты кротку простирая власть,
Как солнце, греешь мир лучами²³.

В связи с тем, что царь, как говорит лирическое «я», – человек скромный, преданный своему народу, невозвышающийся, несторонящийся непосредственного общения с подданными, они пишут ему анонимные письма. Использованное для описания этого прецедента выражение: «писать на голубях с тобой» было объяснено Державиным следующим образом: „В Египте было обыкновение, что писали к своим приятелям через голубей; то и относится сей стих к тому, что к императору доходили нередко письма, неизвестно чрез кого, так как бы приносимы были птицами”²⁴.

В стихотворении речь идет также о царящей в стране свободе слова, проявляющейся, в частности в том, что подданные могли обо всем друг с другом говорить в публичных местах:

Молоть языком всякий вздор,
И в лавках торговать умами²⁵.

²¹ Ср. О.Ю. Скворцов, *Третьейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы*, Москва 2005, с. 330.

²² *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 681.

²³ Г.Р. Державин, *Стихотворения...*, с. 209.

²⁴ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 682.

²⁵ Г. Державин, *Стихотворения...*, с. 209.

Однако в *Объяснениях* автор интерпретирует это двусмысленно так: «При сем государе, а особливо в первые годы царствования, свободно можно было говорить о всем, как и незатруднительно было печатание книг, которыми книгопродавцы торговали.²⁶». Таким образом автор делает аллюзию на снятие Александром запрета на ввоз в Россию иностранных книг и разрешение на деятельность частных печатен, а также смягчение цензуры (с 1804 г. царь начал упорядочивать дела, связанные с цензурой, хотя ее не снял, но сделал более либеральной, напр., фрагменты произведений, которые имели двусмысленный характер, рассматривались цензорами в пользу автора²⁷).

Лирический субъект вспоминает также о честности хана/ царя и его огромной заботе о финансовом положении государства:

А наконец, хотя и хан,
Но так ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себе кафтан
Народу подлежащим числишь²⁸.

В *Объяснениях* Державин написал, что он имел в виду ситуацию, свидетелем которой он сам был, а именно, когда-то он был с царем в министерском комитете, и кто-то попросил у Александра денег на не очень важные дела. Тогда царь ответил, что деньги, которыми он располагает, не являются его собственностью, а государства, и он должен отчитываться за них перед народом²⁹.

Державин описывает также хана Хлора в повседневной жизни, подчеркивая, что он (подобно Фелице) скромный, передвигается пешком, презирует роскошный образ жизни:

Пиров богатых не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
В чертогах низменных живешь,
Царицу четверней катаешь;
И ходя иногда пешком,
Ты по садам цветы срываешь,
Но злата не соришь мешком³⁰.

²⁶ http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0050.shtml

²⁷ В. Mucha, *Dzieje cenzury w Rosji*, Łódź 1994, с. 52–80.

²⁸ Там же.

²⁹ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 683.

³⁰ Г. Державин, *Стихотворения...*, с. 210.

В *Объяснениях* к выше приведенному фрагменту оды Державин написал: „Государь не любил великолепия, роскоши и жил летом большею частию на Каменном острове в небольшом доме; сам и императрица ездили четверней с одним лакеем, а в подражание им и вся публика, так что цугов совсем не употребляли, кроме императрицы Марии Федоровны”³¹. Этот фрагмент является своего рода антитезой описания поведения вельмож, представленных Державиным в *Фелице*.

Лирическое «я» подчеркивает также, что Хлор – человек уравновешенный, рассудительный, который думает не только о большом доходе государства, но также о том, чтобы расходы были умеренными. Это последнее замечание в отношении Хлора/Александра I было подробнее прокомментировано в авторских *Объяснениях* Державина: император копил деньги на выкуп от господ крестьян, которые бы стали собственностью государственной казны³².

Заканчивая описание идеального султана, лирический субъект задает риторический вопрос: был когда-либо такой великолепный правитель? Затем, используя уже введенный ранее восточный колорит, он пишет, что Оромаз – добрый дух секты индийских браминов стережет гарем, диван и выражает надежду, что ангел Инсфендармас (покровитель Персии) будет стеречь как самого хана, так и его орду, а также крепче завяжет узел на поясе хана, который был символом власти и который брамины оберегали так же, как и священный огонь³³. Лирический субъект полон восторга и восхищения добродетелями хана, которого сравнивает с солнцем и поет гимн в его честь³⁴.

Стихотворение заканчивается аллюзией, как сообщает нам в *Объяснениях* Державин, на некоего старого, слабовидящего писателя, который написал оскорбительную оду на автора и на самого императора. Возможно, поэт имел в виду А. Шишкова (1754–1841), государственного и общественного деятеля, адмирала, президента Академии наук, министра образования, судью Верховного суда (он судил, напр., декабристов), писателя, переводчика, сторонника старого, высокого стиля в литературе, восходящего к Ломоносову и старославянскому языку. Шишков был моложе Державина, но у него были большие проблемы со зрением, которые в двадцатые годы XIX в. прогрессировали и привели к полной слепоте. Преклонный возраст критика, о котором упоминает Державин, мог скорее относиться к консервативным взглядам Шишкова и его слабому зрению, а не к возрасту. Однако же отрицательное отношение Шишкова к Александру I было связано с неприятием его либераль-

³¹ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 683.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

ных взглядов, в которых критик усматривал влияние французской революции. Как можно догадаться, прославляющий царя поэт также не мог рассчитывать на симпатию с его стороны³⁵.

В ответ на критику со стороны Шишкова, скрывающегося под псевдонимом «Невежда», Державин ответил четырьмя строчками, заканчивающими его оду для царевича Хлора:

Кода же подлая и даже подкупная
Прищуря мрачный взор, где зависть или злость
На нас прольет свой яд: простим им грех, вздыхая:
Не пройдут бедные чрез Ариманов мост³⁶.

Уточним, что Ариман – это греческое название дренеиранского божества Анхра Майню, злое начало, источник всего злого, противник Ормузда – бога света, первоисточника добра. Согласно поверьям древних персов, на заре четвертого дня по выходе души из тела ангел Шоре ведет ее по мосту, разделяющему наш мир с миром невидимым. Если добро перевесит зло, то он переведет душу на небеса, если зло – тогда они попадают в ад, в бездну зла, где царит дух зла Ариман. В *Объяснениях* Державина на этот фрагмент его текста читаем: „На автора и на императора была написана поносительная ода одним писателем, который имел худое зрение, который смотрел всегда чрез лорнет; то в соответствии сему пасквилю и написаны окончательные стихи сей оды”³⁷.

Как мы могли заметить, анализируемое произведение Державина, использующее образность сказки Екатерины II, имело тесную связь с политической и социальной действительностью тех времен. Насыщение текста аллюзиями давало автору возможность высказаться о людях и событиях, о которых в прямой форме он не мог бы написать. Объяснения, написанные автором стихотворения, в некоторых случаях разъясняют темные места, однако, как мы могли заметить, они также создаются автором в духе поэтического мышления и многое объясняют лишь косвенно и неоднозначно, оставляя тем самым будущим читателям возможность своей интерпретации его произведения.

³⁵ Б.С. Мейлах, А.С. Шишков и *Беседа любителей русского слова*, [в:] *История русской литературы: в 10 т.*, т. V: *Литература первой половины XIX века*, ч. 1, Москва–Ленинград 1941, с. 183–197.

³⁶ Г.Р. Державин, *Стихотворения...*, с. 211.

³⁷ *Сочинения Державина...*, т. 3, с. 683.